

КОММЕНТАРИИ

[1]. Владыка Вениамин в 1933-1947 гг. был архиепископом (с 1938 г. митрополитом) Алеутским и Североамериканским с титулом Временного Экзарха Московской Патриархии в Америке.

[2]. *Митрополит Сергей, Нижегородский и Арзамасский* (в миру Иоанн Николаевич Страгородский, 11.1.1867 +15(2).5.1944) - выдающийся богослов, иерарх Русской Церкви. После ареста митрополита Петра (Полянского) - заместитель Патриаршего Местоблюстителя. Далеко не все, даже из оставшихся верными ему, епископов соглашались с действиями митр. Сергия, в частности, с Декларацией от 29.7.1927. С 1.1.1937- Патриарший Местоблюститель, с 1943 г. - Патриарх Московский и всея Руси.

[3]. *Митрополит Евлогий* (в миру Василий Семенович Георгиевский, 10.4.1868 +8.8.1946) - в 1920 был назначен Свт. Тихоном "заведующим Западно-Европейскими русскими церквями", с 1931г.- глава Константинопольского Экзархата, организовал Парижский богословский институт во имя Преподобного Сергия Радонежского. Об обстоятельствах создания этой юрисдикции см.: *Тальберг Н. Д.* К сорокалетию пагубного евлогианского раскола. Джорданвилль. 1966; *Игумен Серафим (Кузнецов).* Православный Царь-Мученик. Сост. С. В. Фомин. М. "Паломник". 1997. С. 506, 530.

[4]. Имеются в виду: 1) Указ Святейшего Патриарха и соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета на имя митр. Евлогия (Георгиевского) № 347 от 22.4.1922 об упразднении Всеаграничного Высшего Церковного Управления; 2) антикарловацкие высказывания в Послании от 15.6.1923; 3) Патриаршее Воззвание от 18.6.1923 с намерением вызвать зарубежных архиереев на церковный суд в Москву; 4) вторичный Указ № 106 от 8.10-10.11.1923 об упразднении карловацкого Синода; 5) Постановление Патриаршего Священного Синода 26.3.1924, содержащее решительное отмежевание от политической деятельности зарубежных иерархов.

[5]. См. прим. 38.

[6]. Владыка Вениамин особо почитал святителя Иоасафа Белгородского, написав ему службу.

[7]. В 1925-1927, 1929-1930 гг. преподавал в Православном Богословском институте во имя преп. Сергия Радонежского в Париже, организованном митр. Евлогием. Покинул его после разрыва последнего с Московской Патриархией, в клир которой епископ Вениамин был включен в 1927 г.

[8]. В 1924-1925 гг. епископ Вениамин духовно окормлял воспитанников Русского и Донского имени генерала Каледина кадетских корпусов в Югославии.

[9]. Хорошо знавший Первоиерарха Зарубежной Церкви митрополита Антония (Храповицкого) А. Л. Казембек свидетельствовал: "Как выражался Патриарх Тихон, "злоумные люди" сильно влияли на митрополита Антония - когда-то властного архиепископа Волынского, но к старости обмякшего как-то и даже постоянно заливавшегося слезами под конец жизни. При встрече с автором этих строк в Париже он (при свидетелях) высказал добродушным тоном суровое мнение о своем противнике в зарубежный период - митрополите Евлогии, сказав с усмешкой: "Ну, Владыка Евлогий может залгаться". И, изменив выражение лица на серьезное, продолжал: "Но Преосвященный Сергей, тот никогда не залжется". И тут же велел келейнику принести панагию со своего ночного столика. "Вот, - добавил он, - всегда ношу". На обратной стороне панагии были выгравированы изречение "Дайте нам от елея вашего" и ниже - слова "Учителю и другу. Сергей". Когда епископ Антоний (Храповицкий) был ректором Духовной академии, архимандрит Сергей (Страгородский) был ее инспектором. [...] Когда автору настоящей статьи довелось увидеть митрополита Антония в последний раз (в 1934 году), незадолго до его кончины, Митрополит прерывающимся голосом сказал: "Все промыслительно... и Промысл Божий проявился в том, что Патриархом в такое время оказался Святейший Тихон". И с глубоким вздохом, почти рыданием, закончил свою мысль: "Я бы мог погубить нашу Церковь". И заплакал, низко опустив голову на грудь" (*Казем-Бек А. Л. Прошлое и настоящее парижского раскола // Журнал Московской Патриархии. 1969. №4. С. 18.*).

[10]. После образования в Москве "живоцерковного управления" митр. Сергей был одним из первых, кто признал его законность. В № 4-5 журнала "Живая церковь" за 1922 г. появился документ, датированный 3/16 июня: "Мы, Сергей, митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким, архиепископ Нижегородский и Арзамасский, и Серафим, архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Высшего церковного управления и каноническую законность Управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Высшего церковного управления, считаем его единственной, канонической, законной, верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви, как вверенных нам, так и других епархий". Митр. Сергей находился в обновленческом расколе 14 месяцев. После выхода Патриарха из заключения принес ему публичное церковное покаяние в день праздника Успения Божией Матери перед Литургией на 3-м часе в Донском монастыре.

[11]. Хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии 10/23.2.1919, в воскресенье в Покровском соборе г. Симферополя.

[12]. *Схиархиепископ Антоний* (князь Давид Ильич Абашидзе, 12.10.1867 + дек. 1943) - родился в Тифлисской губернии. После окончания Новороссийского университета (1891) принял монашество с именем Димитрий; иеродиакон. Окончил Киевскую Духовную академию (1896) со степенью кандидата богословия; рукоположен во иеромонаха. Ректор Александровской

миссионерской Духовной семинарии, архимандрит. Хиротонисан во епископа Алавердского. Позднее епископ: Гурийско-Мингрельский (1903), Туркестанский и Ташкентский (1906), Таврический и Симферопольский (1912). С 1914 г. добровольно в качестве рядового священнослужителя в составе Черноморской эскадры участвовал в Германской войне. Архиепископ Симферопольский и Таврический (1915). Участник Поместного Собора 1917-1918 гг. Состоял во Временном Высшем Церковном Управлении Юго-Востока России и в организации Юго-Восточного Церковного Собора в Ставрополе (май 1919). В 1920-х гг. проживал в Киеве; был наместником Киево-Печерской Лавры. Принял схиму с именем Антония, пребывал в затворе, старчествовал. Погребен на территории Киево-Печерской Лавры, у входа в Ближние пещеры. В настоящее время готовится его канонизация.

[13]. "Не бойся говорить правду, - сказал вл. Димитрий, - пред кем бы то ни было, хотя бы это и был сам Патриарх или другие высокие в мире люди..." (*Митрополит Вениамин (Федченков)*). "За Православие помилует меня Господь..." Дневниковые записи. Сост. игумен Василий (Донец) и В. О. Корхова. СПб. "Царское дело. 1998. С. 11).

[14]. Епископ Вениамин постоянно поддерживал переписку с архимандритами-святогорцами Мисаилом и Кириком, переписывался и с преп. Силуаном Афонским (+1938), так характеризовавшим Владыку: "Господь Иисус Христос любит архиепископа Вениамина..." (*Архиеп. Вениамин (Федченков)*). Небо на земле. С предисл. А. Светозарского. М. "Паломник". 1994. С. 6).

[15]. 7 июня 1927 г. на Варшавском вокзале *Б. С. Коверда* (1908 +1987) убил полпреда СССР в Польше П. Л. Войкова, который в 1918 г., будучи членом исполкома Уралоблсовета принимал самое непосредственное участие в убийстве Царской Семьи и сокрытии следов преступления. 19-летний юноша был вовсе не "белогвардейцем", как пишут до сих пор, а сыном учителя народной школы, внуком крестьянина (*Боголюбов А.* Борис Коверда. Выстрел на Варшавском вокзале // Вече. 1989. № 34. С. 177-201).

[16]. *Архимандрит Смарагд* (Павел Антонович Латышенков) - происходил из духовной семьи. По окончании первым студентом Виленской Духовной семинарии направлен для продолжения обучения в Петербургскую Духовную академию на казенный счет. Показав себя как "выдающийся богослов-историк", был оставлен при Академии в качестве профессора-стипендиата. Однако Латышенков отказывается от назначения приват-доцентом, принимает монашеский постриг и, по рукоположении, уезжает в Холм (еще до Германской войны), получив назначение первоначально инспектором, а потом ректором Духовной семинарии. Был решительным противником возникших после революции среди местного священноначалия автокефалистских устремлений. "Архимандрит Смарагд, - отмечает церковный историк А. К. Свитич, - пользовался глубоким уважением православно-верующего народа и любовью своих воспитанников по семинарии. Выдающийся администратор, прекрасный проповедник, истовый священнослужитель, знаток истории края и истории

Церкви Вселенской и ее канонов, архимандрит Смарагд был известен как твердый противник автокефальных тенденций и поборник единства Церкви". Совершенно безосновательно Варшавский митрополит Георгий (Ярошевский) запретил о. Смарагда в священнослужении, между тем как последнего, по определению Московской Патриархии, назначили епископом Слуцким, викарием Минской епархии. Святейший Патриарх Тихон благословил Виленского архиепископа Елевферия с собором других епископов совершить хиротонию. Но просьбы епископов снять несправедливое запрещение с о. Смарагда не имели никаких последствий. Митрополит Георгий, опираясь на Польское правительство, уничтожавшее православные храмы и всячески притеснявшее православных, твердо держал курс на отделение от Московской Патриархии. Не в его интересах, поэтому, было содействовать появлению нового епископа, придерживавшегося иных взглядов. "...Архимандрит Смарагд являлся несколько раз к митрополиту Георгию с бурными объяснениями в неканоничности и изменах, и наконец, потерял душевное равновесие окончательно. Он приобрел револьвер и, как уже потом выяснилось, тайно учился в лесу стрелять из него. Явившись в 5 часов 8 февраля 1923 года на прием к митрополиту, он в течение более двух часов вел с ним беседу, но, когда митрополит Георгий выразил сомнение в загробной жизни и уговаривал архимандрита "перейти в его лагерь", то архимандрит Смарагд выхватил револьвер и несколькими выстрелами убил митрополита со словами: "Вот тебе, палач Православия!" [...] Определением Церковной власти архимандрит Смарагд был лишен его духовного и монашеского звания и уже, как светское лицо (Павел Антонович Латышенков), был предан суду Чрезвычайного трибунала. Бывшему архимандриту Смарагду инкриминировалось убийство митрополита, как высокого "государственного чиновника" и ему грозил расстрел. Однако, благодаря прекрасно поставленной защите, дело перешло на рассмотрение Варшавского окружного суда, который приговорил обвиняемого к 12-летнему тюремному заключению, которое он и отбыл в Варшавской, Мокотовской тюрьме" (Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917-1950 гг. Сборник. М. 1997. С. 123-126). Отказавшись от досрочного освобождения (по причине болезни), он отбыл наказание полностью и в 1935 г. выехал в Чехию.

[17]. См. завещание Царя Мученика Николая, переданное им через Царевну-Мученицу Ольгу: "Отец просит передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь..." Ср. со словами митр. Антония (Храповицкого), сказанными в 1930 г.: "Нет мира между Христом и сатаною. Властью, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие, против красной сатанинской власти поднимаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложил голову за Русское и Христово дело" ("Царский вестник". 1930. № 92. 5/18 мая. С. 1).

[18]. Ср. со словами русской эмигрантки журналистки М. А. Каллаш (1886 +1954): "Митрополит Сергей Японский, которого уж никак нельзя заподозрить в "соглашательстве" с большевиками, в одном из своих частных писем выражал все свое негодование по поводу превращения дальневосточными эмигрантами соседней с Японией русской епархии своих храмов в митинговые залы и писал следующее: "В шанхайских газетах так и печатают: состоится панихида протеста... То-то до Бога дойдет!" (*Курдюмов М. [Каллаш М. А.] Ответ Г. П. Федотову о церковном расколе // Путь. № 31. Париж. 1931. Декабрь*).

[19]. Владыка составил сокращенное изложение "Житий" свят. Димитрия Ростовского и дополнения к ним.

[20]. Имеется в виду составленное митрополитом Антонием (Храповицким) окружное послание: "Ныне повсюду пропечатаны в газетах и читаются во многих храмах, которые еще недавно были православными, два послания моих, увы, когда-то единомышленников и любимых учеников - митрополитов Сергея и Евлогия, ныне отпавших от спасительного церковного единства и связавшихся с врагами Христа и Святой Церкви - гнусными богохульниками большевиками, подчинившимися во всем представителям еврейского лжеучения, которое известно под именем коммунизма или материализма... И пусть те новые оболъстители не оправдываются, заявляя, что они не друзья большевиков и евреев, стоящих во главе большевицкого царства: в душе они, может быть, и не друзья им, но они этим врагам Христовым, хотя бы и неохотно, подчинились и стараются расширить власть последних не только над злосчастными жителями Святой Руси, но и над всеми русскими людьми, хотя бы и далеко от Русской земли ушедшими" (*Архиеп. Никон (Рклицкий). Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. VII. Нью-Йорк. 1961. С. 218-219*).

[21]. Зарубежный Архиерейский Собор решением от 27.8.1927 отверг требование лояльности, как "неслыханный и неестественный союз между безбожной властью и Святой Православной Церковью". Архиерейский Собор постановил: "...Впредь до восстановления нормальных сношений с Россией и до освобождения нашей Церкви от гонений безбожной советской власти, заграничная часть нашей Церкви должна управляться сама, согласно священным канонам, определениям Священного Собора Всероссийской Поместной Православной Церкви 1917-1918 гг. и постановлению... от 7/20 ноября 1920 г., при помощи Архиерейского Синода и Собора Епископов" (*Архиеп. Никон (Рклицкий). Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. VI. Нью-Йорк. 1960. С. 228-232*).

[22]. Ср. с высказыванием известного своей твердостью вл. Феодора (Поздеевского, +1937). "Как-то в конце лета 1919 года, - вспоминает очевидец, - трое каменщиков, ремонтировавших колонны Троицкого (Даниловского монастыря - С. Ф.) собора, сели отдохнуть на лавочке у "черного хода" настоятельского дома. Среди них зашел разговор о недолговечности советской власти. Неожиданно из сеней дома вышел владыка Феодор в простом сереньком

подряснике. Очевидно, он что-то мастерил в сених. Он остановился около каменщиков и сказал: "Я невольно слышал ваш разговор. Те, кто думает, что советская власть недолговечна, - ошибаются. Эта власть - всерьез и надолго, потому что ее поддерживает большинство народа. Если вообще когда-либо произойдет замена этой власти другою, то это может случиться очень не скоро, через несколько поколений и только тогда, когда ее руководители оторвутся от народа" (*Макаров М. Даниловцы // Московский журнал. М. 1992. № 6. С. 46.*)

[23]. См. прим. 38.

[24]. Имеется в виду датированное маем 1927 г. т. н. "Соловецкое послание" - обращение "К правительству СССР" православных епископов из Соловецких островов" (Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти 1917-1943. Сост. М. Е. Губонин. М. 1994. С. 500-507). Впервые было опубликовано в "Вестнике Русского Студенческого Христианского движения". Париж. 1927. Июль. Послание было составлено проф. И. В. Поповым (1867 +938) при участии возглавлявшейся архиепископом Благовещенским Евгением (Зерновым) группой из 20 архиереев-узников (некоторые называют епископа Илариона (Троицкого) как инициатора создания этого документа).

[25]. "Церковный вестник" - в 1922-1932 гг. официальный орган Зарубежного Архиерейского Синода (с 1932 г. - "Православная Русь"). Первоначально печатался в Праге.

[26]. См., например, "Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова" (Т. II. Новый Сад. 1928) и его же книгу "Сергей Александрович Нилус. Краткий очерк жизни и деятельности" (Новый Сад. 1936).

[27]. *Ексакустодиан Иванович Махараблидзе* ("Кустя") - во время Германской войны военный чиновник в канцелярии протопресвитера Русской Армии и Флота Георгия Шавельского; в годы гражданской войны был начальником канцелярии протопресвитера в Вооруженных силах Юга России; вместе с Т. А. Аметистовым, служил секретарем ВЦУ. В эмиграции - управляющий канцелярией Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей; редактировал журнал "Церковный вестник" (см. прим. 25). Отставлен от должности в 1931 г. "в связи со злоупотреблениями".

[28]. Святителю Тихону принадлежат несколько заявлений о лояльности советской власти: 1) Заявление в Верховный суд РСФСР 3.6.1923: "я отныне советской власти не враг"; 2) интервью корреспонденту РОСТА 15.6.1923: "я целиком стал на советскую платформу"; 3) Послание от 15.6.1923: "я решительно осуждаю всякое посягательство на советскую власть, откуда бы оно ни исходило"; 4) Воззвание от 18.6.1923: "сознавая свою провинность перед советской властью, [...] - в сем каемся и скорбим о жертвах, получившихся в результате этой антисоветской политики"; 5) опровержение 27.6.1923

анафематствования обновленческого ВЦУ "и всех, имеющих с ним какое-либо общение" (т. е. и советской власти?); 6) беседа 30.6.1923 с секретарем английского национального комитета "Руки прочь от России" В. Коутсом с заявлением об отсутствии преследования советской властью какой бы то ни было религии; 7) Указ о поминовении за богослужением "предержавших властей страны нашей"; 8) совместное Воззвание высших иерархов Российской Православной Церкви в августе 1923 г.: "Церковь признает и поддерживает советскую власть, ибо нет власти не от Бога. Церковь возносит молитвы о стране Российской и о советской власти"; 9) официальное соболезнование 11.1.1924 правительству в связи со смертью Ленина (Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 280-288, 296-298, 311-312). "Покаяние Патриарха Тихона, опубликованное в советской печати, - считают современные исследователи В. И. Алексеев и Ф. Ставру, - открывают серию проблем, встающих перед историком Церкви в СССР в связи с рядом аналогичных документов, время от времени публикуемых в советской печати. Трудность установления подлинности подобных документов сводится к тому, что каждый документ может быть подлинным в полном смысле этого слова, но возможно и другое. К подлинному документу могли быть сделаны любые добавления, против которых не было возможности протестовать в печати, а протестовать устно крайне опасно. Наконец, документ мог быть просто фальсификацией, опровергать которую было невозможно по вышеупомянутым соображениям. Мог быть и случай, когда духовных лиц заставляли подписывать не ими составленные документы. [...] Не историки, а верующие в своем большинстве, сознавая слишком большую сложность описанных выше проблем, решительно их упростили, и все, что печаталось в советской прессе от имени Патриарха, просто игнорировали ("Покаянное заявление" Патриарха [Тихона], напечатанное в советских газетах, - вспоминал ближайший сотрудник Святителя, протопресвитер Василий Виноградов, - не произвело на верующий народ **ни малейшего** впечатления. Без малейшей пропаганды весь верующий народ, как один человек, каким-то чудом Божиим, так формулировал свое отношение к этому "покаянному заявлению": "Это Патриарх написал не для нас, а для большевиков" - (Церковно-исторический вестник. М 1998. № 1. С. 14). - С. Ф.). Другое отношение было к Заместителю патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию. В подлинность его Декларации поверили сразу и стали относиться к Митрополиту с подозрением. Разницу между отношением верующих к патриарху Тихону и митрополиту Сергию лично наблюдал в Москве один из авторов настоящей книги (Василий Алексеев)" (Алексеев В. И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. Нью-Йорк.-М.-Париж. 1980. № 11. С. 114-115).

[29]. "Соловецкие узники-иерархи, - свидетельствовал в 1928 г. митрополит Литовский Елевферий (Богоявленский), - за исключением трех [...] все - с м. Сергием. Иларион (Троицкий) даже не допускает мысли об отделении от м. Сергия. Около 12 иерархов уже возвратились из Соловков [...] Прямо-таки удивительно, что ни один из иерархов не умер ни в ссылке, ни в тюрьме. А ведь там были и почтенные старцы. Все возвратившиеся бодры и удивительно

благодушны. О всем с ними случившемся они вспоминают без всякого огорчения, с благодарностью Богу, хранившему их на всех путях исповедничества. Получая новые назначения, они отправляются, надеясь на помощь Божию, продолжать святой подвиг служения Христу, не ведая, что их там ожидает" (*С[трукве]* Н. К спору о соловецких епископах. Доклад митр. Елевферия митр. Евлогию (1928 г.) // Вестник РХД. № 158. Париж-Нью-Йорк-М. 1990. С. 291). Известно, что практически все соловецкие епископы, исключая епископа Прилукского Василия (Зеленцова), не порвали впоследствии отношений с митрополитом Сергием. За исключением вл. Мануила (Лемешевского), умершего на свободе, все остальные - в большинстве своем освобожденные между 1926 и 1928 гг. - погибли мученической смертью в 1930-е годы. См. также прим. 28.

[30]. Имеется в виду "Проект обращения к православным архипастырям и пастырям митрополита Сергия" 28.5.1926 (фактически первоначальный вариант "Декларации"). См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России... С. 473-475.

[31]. См. прим. 44.

[32]. См. прим. 44.

[33]. *Иеромонах Феофил* (+1948) - насельник Валаамского монастыря, как старостильник, изгнанный оттуда одним из первых (15.9.1925) за то, что на праздник Рождества Пресвятой Богородицы отказался сослужить с приехавшим на остров новостильником (и даже новопасхальником!) константинопольским митрополитом Германом. После изгнания подвизался духовником сербского женского монастыря Кувежин. Скончался в Югославии.

[34]. Деятельность протоиерея Владимира Востокова (см. прим. 35) в Крыму раздражала такие, на первый взгляд, разные круги антибольшевицкой коалиции, как масонов, левых либералов и даже генералов, подчеркнуто дистанцировавшихся от политики. Для уяснения причин этого обратимся к малоизвестным воспоминаниям отца протоиерея, изданным мизерным тиражом на его собственные средства: "Великим постом [1919 года] многолюдное общество г. Екатеринодара внимательно выслушало мою публичную лекцию о 40-дневном посте Спасителя... Но и небо не всегда бывает безоблачно, и на мою службу в Кубанской области налетело облачко из уст Управляющего военным духовенством в Царское время о. Шавельского. Он приглашал меня к себе в 1916 г. в полковые священники, но после моей лекции предупредил меня: "Если бы была моя власть, я бы в 24 часа удалил вас с Кубани за смущение казачества монархическими речами". [...] Скоро откликнулась правящая Кубанская рада из господ Быча, Рябовола и их единомышленников [...] за мою беседу в соборе о преступлениях и безобразиях революций "безкровной" мартовской и кровавейшей октябрьской 1917 г. и о необходимости восстановления в России Помазанника Божия [...] постановила: удалить с Кубани о. Востокова за разращение казаков монархическими бреднями. Но начальник штаба

Деникина, генерал Лукомский решительно заступился за меня и моя высылка не состоялась... Хотя в июне 1919 г. Лукомский посоветовал мне добровольно переселиться на Дон в г. Новочеркасск, из опасения, чтобы кубанские озорники не сделали мне физической пакости. [...]

В Новочеркасске я получил от Епископа право служить в Александровской городской церкви и занялся проповедничеством в храмах, открыл "Братство Св. Креста" и издал в сентябре 1919 г. №№ 1 и 2 "Вечевого благовеста". [...]

Благонастроенные беженцы дружно объединились. Сходились по праздникам на вечерние оживленные беседы религиозные и исторические. Кое-кто из молодежи живо откликнулся на наше начинание. Одна институточка из благонастроенной дворянской семьи так усердствовала, что я искренно уподоблял ее французской Жанне Д'Арк" (*Прот. Владимир Востоков. Розы и шипы. Ч. 2. Сан-Франциско. 1954. С. 85-86,90*).

"На Пасхальной неделе [1920 г.], русский Севастопольский епископ [Вениамин], викарий Симферопольского архиепископа Димитрия, заведующий духовенством Русской армии, человек еще молодой, деятельный, по-видимому доброжелательный, лично ко мне благосклонный, часто среди моих разъездов оказывал мне гостеприимство, обратился ко мне с предложением: "Отец Владимир! Настало время, когда никто из православных священнослужителей не имеет нравственного права отстраняться от участия в трудах доблестного генерала [Врангеля] и его соратников по борьбе со злом, жестокостью и насилием. И мы вас наметили в духовники и проповедники Русской Христоролюбивой армии. Вам отведено будет купе в вагоне второго класса нашего военно-санитарного поезда. Первой целью своею имеющего вывозить раненых и больных воинов в симферопольский санитарный пункт, а выздоровевших возвращать на фронт, а вам в свободное время скользить по всему Крыму с христианскими и патриотическими беседами". - "Надеюсь, Владыко, - ответил я, - что на знаменах обновляемой Русской армии будут начертаны основные заветы Святой Руси: *Вера Христианская, Божий Помазанник, Законный, Самодержавный Государь и верующий в Господа Иисуса Христа Русский народ?*" - "Да", - ответил епископ. - "В таком случае я принимаю благодарно ваше предложение охотно служить гонимой *Русской Церкви и страждущему от безбожников Отечеству нашему*". [...]

Весною 1920 года я поместился в поезде Белого Креста и начал свои служебно-миссионерские поездки и вел религиозно-патриотические беседы. В одном из городов я встретился с епископом Вениамином и он крайне удивил меня: "Отец Владимир, вы хорошо начали работать в Русской армии своими христианскими живыми беседами, но я вас усердно прошу, дружески прошу не говорите в них лишнего. Пожалуйста, не говорите. Ваши речи этим многих смущают". Совет "дружеский" епископа Вениамина невольно напомнил мне другое событие. Возвратился я со Ставропольского Собора в город Екатеринодар, где тогда проживал о. Шавельский. Он [...] строгим тоном заметил мне: "Лицо, занимающее высокое положение в Добровольческой армии, начальник штаба генерал Романовский (убитый впоследствии, кажется, в Константинополе за его сочувствие красному интернационалу) делает вам серьезное замечание за то,

что вы *говорили на Соборе Ставропольском о евреях*" (Ср. с воспоминаниями о Георгия Шавельского: "Много шуму внес в Собор священник В. Востоков, начавший обвинять и духовенство, и Собор, и даже Патриарха в ничегонеделании и теплохладности. Он настаивал, чтобы Церковь выступила открыто и резко против "жидов и масонов", с лозунгом: "За Веру и Царя!" Этот, несомненно, одаренный словом иерей всегда отличался безтактностью, резкостью, часто неуместною прямолинейностью (ибо она у него не сообразовалась ни с чем: ни с моментом времени, ни с условиями и требованиями жизни). Теперь же он говорил особенно вызывающе, чрез головы членов Собора обращаясь к толпе. Его выступление носило митинговый характер и вызвало резкий отпор со стороны кн. Е. Н. Трубецкого, архиепископа Димитрия и епископа Михаила, назвавших его клеветником, бунтовщиком, человеконенавистником. Кроме отдельных черносотенных членов, Собор, можно сказать, в полном составе отнесся крайне отрицательно к выходке о. Востокова. [...] Собор спокойно обошел все подводные камни и, хотя о. Востоков, злословя, обзывал его в Екатеринодаре "еврейским синадрионом", он проявил, при общей смуте, большое спокойствие, понимание церковных нужд и готовность идти им навстречу" (*Протопресвитер Георгий Шавельский*. Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии и Флота. Т. 2. М. Крутицкое Патриаршее подворье. 1996. С. 345-347). - С. Ф.). Я глубоко огорчился... Как не говорить про тех, в которых и до сих пор дышет еще злоба иудейская [...] Среди своих поездок по Крыму я стал убеждаться, что некоторые и другие лица, даже иногда духовные и военные, боялись или стеснялись говорить об интернационалистах, уже открыто терзающих наше, распятое ими Отечество. После Вениаминовского совета я стал наблюдать, что и другие из гражданских и даже военных деятелей сочувствовали завоеваниям "безкровной", в словах и делах стали уклоняться от вековых устоев Св. Руси.

Я решился написать генералу Врангелю откровенное письмо [19.6.1920]: [...] "Сатану одни люди не могут одолеть, они могут победить современных сатанистов только Св. Крестом, а потому, достойнейший генерал, и Вы в своей самоотверженной борьбе с сатанистами на знаменах Ваших воинов воздвигните Животворящий Крест и Вы победите палачей России и гонителей Ее Церкви Животворящим Крестом, как некогда Царь Константин победил злого языческого царя Максенция Силою Честнаго и Животворящаго Креста" [...] Ответ на мое письмо от генерала Врангеля пришел чрез председательницу Белого Креста г-жу Митрофанову, с указанием, чтобы я ехал в ставку ген. Ал. Павл. Кутепова и с ним переговорил по содержанию письма. 29 июня я был принят генералом и он сказал мне: "Мысли вашего письма к Главнокомандующему я разделяю, но вы расскажите мне план ваших грядущих действий". Выслушав мой доклад, ген. А. П. Кутепов сказал: "Начинайте, батюшка, осуществлять свой план".

С 1 июля 1920 года в городах и селах Крыма совершались мною Литургии в походной церкви Белого Креста или в пригородных храмах. По вечерам велись беседы в церквях и оградах церковных при общенародном пении молитв. Сперва собиралось людей сотни, с первого августа - уже тысячи. Все лето

благоприятствовала нашим собраниям прекрасная крымская погода. К 14 сентября 1920 года, к празднику Воздвижения Св. и Животворящего Креста записались в члены Братства пять тысяч человек и в Симферопольский банк было внесено два с половиной миллиона рублей, скопленных из добровольных пожертвований во время Крестоносных собраний на необходимые расходы Братства. Общим собранием было принято мое предложение: *"От слов перейти к делу"*. - Параллельно с армией генерала Врангеля, уже устремившейся из Крыма на север - шествовать всенародным Крестным ходом, прося Русскую армию всеми ее возможностями охранять от красных безбожников Крестоносное движение с хоругвями, иконами, с возженными свечами в фонарях, чтобы сими крестоносными впечатлениями возбуждать доверие и любовь населения к целям Русской армии и привлечения в ее ряды новых добровольцев - христианских патриотов, лелея святые мечты движения к сердцу России - Москве, уже люто застрадавшей, ободренных надеждой попасть домой, обняться в радостной встрече с милыми родными, друзьями, единомышленниками (*"Не крестовый поход врангелевского воинства, - говорил в одной из проповедей о. Владимир, - сокрушит это диавольское царство, а крестный ход всего крымского духовенства, с иконами вместо пушек и хоругвями вместо винтовок... Увидав это священное шествие, красноармейцы, благочестивые русские крестьяне, благоговейно снимут шапки, вонзят штыки в землю и падут ниц перед святыми иконами. Не пролитием крови сокрушится богоненавистная большевицкая власть, а силою Креста Господня"*). - *Прот. Владислав Цыпин. Русская Церковь (1917-1925. - М. Сретенский монастырь. 1996. С. 132. - С. Ф.)*.

В праздник Нерукотворенного Спаса 16 августа я гостил у архиепископа Дмитрия в г. Симферополе. Он уехал в монастырь. Ко мне входит знакомый профессор Московского университета и представляет представителя германского посольства от Монархической группы, возглавляемой Баварским Принцем Рупрехтом, сочувствующего Русской армии в ее борьбе с сатанистами. Они предложили мне быть посредником в переговорах немецких монархистов с командованием Русской армии на следующих условиях: 1. Монархическая группа присылает корпус войска для военной помощи Русской армии в ее борьбе с большевиками. 2. Дает ей военное снаряжение и съестные припасы. 3. Берет на себя пропаганду против большевиков внутри России. И за все это требует от Русской армии немедленного союза с Германией и обязательства в будущем никогда не воевать с ней. Я выразил полное удовольствие такому предложению, но не скрыл, что мне известно нерасположение некоторых генералов и членов правительства к союзу с немцами [...] На следующее воскресение я встретился в той же семье с этим немцем и задал ему вопрос: "Как прошло ваше свидание с Главнокомандующим?" - *"Никак, - ответил немец, - сам Главнокомандующий нас не принял, выслав к нам начальника своего штаба генерала Шатилова. Мы сразу поняли, что сей генерал с уклоном влево и наше предложение, конечно, было отвергнуто. Завтра мы уезжаем в Мюнхен"*. [...]

18 сентября 1920 г. меня вызвали в контрразведку при Русской армии и предупредили: "Красная Москва, узнавши о начавшейся в Крыму успешной подготовке ко Всероссийскому религиозно-крестному движению, прислала в Крым женщину иудейку убить вас, как основателя сего движения. Наши охранники ходят за вами на всех ваших общественно-народных выступлениях, но в частных ваших выходах из квартиры остерегайтесь брюнеток с ярко выраженными на лице признаками палестинских гражданок" (Как видим, большевики с тревогой следили за осуществлением проекта о. Владимира. Случайно попавшаяся к ним в руки дочь его Нина была немедленно расстреляна. Не случайно уже много лет спустя митролит Вениамин, работая над воспоминаниями (а писал он их для себя, "в стол"), имея в виду свидетельство небезызвестного генерал-лейтенанта Я. А. Слащова о причастности его, епископа Вениамина, к организации Крестного хода, постарался дистанцироваться от столь опасного (даже несколько десятков лет спустя!) предприятия, попутно приписав ему совершенно иные цели: "...Можно было бы для любопытства вспомнить об одном оригинальном проекте, который молва приписывала мне. Не видя конца междоусобной резне, предложено было устроить грандиозный крестный ход, чуть не в миллион человек, и пойти с молитвами на север. И вот тогда-де проснется же совесть, и люди примирятся. Такого детского проекта я ни тогда, ни теперь не мог бы предложить здоровым людям. Но он действительно был и даже рассматривался на заседании Синода. Автором его был небезызвестный протоиерей о. Востоков, экзальтированный и самомнительный проповедник. Но, разумеется, Синод благоразумно отверг этот фантастично-сентиментальный проект. Большевики расстреляли бы этих мечтателей, и только. Да и наша власть не согласилась бы на осуществление его, будучи ответственной за народ. Однако слух об этом крестовом походе какими-то путями распространился по селам, и когда я приехал в Малую Белозерку, то селяки меня спрашивали: будет ли этот крестный ход?" (*Митрополит Вениамин (Федченков)*. На рубеже двух эпох. М. 1994. С. 269). Разумеется, русского крестьянина после многих лет Германской и гражданской войны и революций, даже при сильно развитом воображении, трудно заподозрить в фантазерстве или сентиментальности. То, что никак не могли да и не хотели понять Белые вожди и их окружение и, наоборот, отлично, иногда даже подсознательно, понимали крестьяне, весьма точно выразил святитель Иоанн (Максимович): "Призыв к борьбе за Россию после падения временного правительства и потеря захваченной было власти, хотя вызвал благодарные чувства многих и соответствующее [Белое] движение, но не было это выражением раскаяния со стороны главных виновников, продолжавших считать себя героями и спасителями России. Между тем, Троцкий в своих воспоминаниях признает, что больше всего они (советы) боялись, чтобы не был провозглашен Царь, т. к. тогда падение советской власти стало бы неминуемым. Однако этого не случилось, [Белые] "вожди" боялись того же. Они воодушевили многих на борьбу, но запоздалый их призыв и отвага не спасли Россию. Некоторые из них в той борьбе положили жизнь и пролили кровь, но гораздо больше пролито невинной крови, которая продолжает литься по всей России,

вопия к небу" (Россия перед Вторым пришествием. 3-е изд. Т. 2. СПб. 1998. С. 219). - С. Ф.).

22 сентября 1920 г. епископ Вениамин сказал мне: "Генерал Врангель желает видеть вас". Я немедленно пошел в военный штаб. - "Отец Владимир, - заговорил Главнокомандующий, - к сожалению, я ныне должен причислить и вас к лицам, мешающим мне спасти наше Отечество, хотя я сам монархист, но союзники в ответ на вашу религиозно-патриотическую пропаганду заявили: "Если о. Востоков не прекратит сию пропаганду, то мы прекратим военную и продовольственную помощь Русской армии". Поэтому, если вы, о. Востоков, не послушаетесь моего предупреждения, то я вынужден буду просить вас немедленно оставить Крым". - "Ваше превосходительство, - ответил я, - не обращайтесь на угрозы вам союзников, после того, как они обманули свою верную союзницу, Православную Россию, помогавшую им выйти победителями из первой мировой войны и равнодушно допускают палачам русского народа устраивать в ней вторую Русскую Голгофу... Первая была в Иерусалиме, на ней распят Богочеловек Господь Иисус Христос, а сейчас в страждущей Православной России распинают *Святое Тело Его* - Православную Церковь. Здесь депутация от Мюнхенской Монархической организации, возглавляемой Принцем Баварским Рупрехтом, благожелающим нашей страждущей России. Не лучше ли Вам, Ваше превосходительство, в деле Вашей честной, самоотверженной борьбы с безбожным интернационалом и его служками, объединиться с монархистами-немцами?" - "Меня союзники не обманут! - решительно ответил генерал Врангель, - ас немцами я работать не могу, вам же повторяю, если не послушаетесь моего предупреждения, - вам придется покинуть Крым" (Предыстория этой встречи была такова. Обезпокоенные популярностью проповедей о Владимира, председатель Таврической земской управы князь В. Оболенский (масон) и небезызвестный автор манифеста РСДРП либерал П. Б. Струве явились к генералу П. Н. Врангелю с решительным требованием запретить деятельность популярного проповедника. Генерал вынужден был уступить влиятельным собеседникам; в результате появился приказ № 145 от 3 октября 1920 года. Но уже 15 ноября Севастополь был взят красными (*Прот. Владислав Цыпин. Русская Церковь (1917-1925). С. 132*). Этот эпизод нашел отражение и в мемуарах генерала, "забывшего", правда, упомянуть с чьего голоса он возводил напраслину на священника: "За последнее время небезызвестный отец Востоков усиленно вел работу как в Севастополе, так и в других городах Крыма. Его проповеди носили чисто погромный характер. Отличный оратор, умеющий захватывать толпу, он имел, особенно среди простого люда, значительный успех. [...] Отца Востокова я вызвал к себе и постарался объяснить гибельность его работы" (Воспоминания генерала барона Врангеля. Ч. 2. М. "Терра". 1992. С. 352-353). - С. Ф.). - А другим лицам, как я услышал потом, генерал добавлял: "Если о. Востоков не прекратит своих проповедей в этом духе, в котором он вел их целое лето, то еще одна проповедь таковая будет ему здесь последней, а следующую в этом же духе он может произнести в Константинополе". [...] К сожалению, мои предположения об обмане союзниками генерала Врангеля скоро оправдались; через несколько дней после нашего разговора под влиянием либерального

французского правительства поляки, воевавшие тогда с советами, заключили мир и освободившаяся тогда красная нечисть с Польского фронта ринулась на Русскую армию, и своим многочисленством поставила ее в трудное положение. [...]

В последний крестоносный вечер в Крыму холода из церковных оград переселили крестоносцев под сень Симферопольского собора. Отслуживши молебен Заступнице Усердной рода Христианского Богоматери, прочитав Евангелие св. Иоанна, слова, сказанные Распятым Страдальцем со Креста рыдающей Матери с указанием на верного друга Иоанна: "*Жено, се сын Твой*", а ему на Мать: "*Се Мати твоя*", - я напомнил в слове о событиях первого Российского лихолетия, окончившегося избранием Царя Михаила из благочестивого Дома бояр Романовых. Я вещал внимательным слушателям, что второе лихолетие окончится только тогда, когда исстрадавшаяся, но образумевшаяся Русь Православная возведет, Божией милостию, на оскорбленный опустелый Царский Трон законного Помазанника Божия" (*Прот. Владимир Востоков. Розы и шипы. Ч. 2. С. 5-7,9-14,17*).

[35]. *Митрофорный протоиерей Владимир Востоков* (11.7.1868 +1957) - проповедник и церковный писатель. Происходил из семьи священника. После окончания Московской Духовной семинарии (1888) был посвящен в сан иерея (1891). Первоначально священствовал в селах Московской епархии. Служил в Москве: в храме Вмч. Георгия, церкви Института благородных девиц (1906), Мч. Никиты. В 1912г. приглашен Вел. Кн. Елисаветой Феодоровной лектором при ее Марфо-Мариинской общине милосердия. Законоучитель детей будущего обер-прокурора Св. Синода А. Д. Самарина. Издавал журнал "Отклики жизни" (1911). За статьи, порочащие Царскую Семью в связи с именем Распутина, Митрополитом Московским Макарием (Невским-Парвицким) отстранен от издательской деятельности и переведен в Уфу. После февральской революции 1917 г. - один из активистов демократического духовенства. Был близок епископу Андрею (Ухтомскому). Клеветал на Митрополита Макария, чем способствовал незаконному, несправедливому увольнению его на покой. В письме от 27.2.1938 известный провокатор Дю-Шайла сообщал В. Л. Бурцеву, что "под влиянием событий Востоков сделался ярким антисемитом"; "...увы! ...тот самый, кто служил в Москве молебен, притом в красной ризе, по случаю февральской революции" (ГАРФ. Ф. 5802.1.682. Л. 23-об.). Действительно, вскоре, видимо, под влиянием революционных событий, о. Владимир изменил свои воззрения. Ярким примером служит его выступление на Церковном Соборе 22.1.1918 (См. Деяния Собора). За подобные обличительные речи член Всероссийского Церковного Собора и Учредительного собрания о. Владимир Востоков был объявлен большевиками вне закона. Духовник и проповедник в армии генерала Врангеля в Крыму. Организовал при армии "Братство Животворящего Креста" (дружину для борьбы с большевиками). К этому периоду относится общение о. Владимира с владыкой Вениамином (Федченковым) - главой военного духовенства Вооруженных сил Юга России (См. об этом: *Прот. Владимир Востоков. Розы и шипы. Ч. 2. С. 5-7,12*).

Участвовал на проходившем 19-24 мая 1919 г. в Ставрополе Юго-Восточном Русском Церковном Соборе. Перед открытием возглавляемое им Братство направило в адрес Собора воззвание: "Революция свергла Царя, которому Россия присягала, кричала "ура", за которого молилась Богу во всех церквах, и будто бы вручила власть народу; на самом же деле - разменяла Царскую власть на власть комиссаров..." Братчики "сыновне умоляли" Собор выслушать и обсудить предложенные ими меры, которые должны были послужить "к успокоению и возрождению России". Среди прочего в воззвании предлагалось: "Призвать Русский народ к покаянию в пролитии крови Царской, святительской и миллионов жертв из разных слоев населения за весь революционный период"; "Просить военачальников всех частей войск, борющихся с полчищами большевиков, взвенчать воинские знамена Святым Крестом и объявить по войскам зов бороться прежде всего за гонимую Святую Церковь и за спасение распятой революцией России от жестокого ига еврейско-масонских организаций". Собравшиеся на Собор проигнорировали воззвание. Отцу протоиерею пришлось выступать по поводу предложенного проекта Соборного обращения к всероссийской пастве. "...Мне, - вспоминал он позднее, - как избранному от Уфимской епархии члену Всероссийского Собора, по завету Святейшего Патриарха Тихона сохраняющему свои соборные обязанности и права впредь до Второго Всероссийского Церковного Собора, - пришлось высказаться на пленарном собрании: "Основным фундаментом нашего церковно-государственного народного делания должна быть непоколебимая вера в Св. заветы Святой Руси, исповедуемые Православной Россией со времен св. Владимира и до 2-го марта 1917 года - дня подневольного отречения Государя Императора от Прародительского Престола. Памятуя, что со времен декабристов 1825 года, замысливших под влиянием отравы Французской революции, - вырезать всю Царскую Семью и насадить в России анархо-демократическую республику, сеялась среди народа злоба и ложь, постепенно приведшая Россию к государственному перевороту. Мы, уцелевшие от тирании, обязаны всесторонне сказать [истину], не бояться никого, кроме Бога, по примеру священномученика Патриарха Ермогена". - Мне кто-то из членов Собора [кн. Е. Н. Трубецкой] возразил: "Всю правду уже сказал Патриарх Тихон о борьбе с красным зверем, терзающим Россию". - "Нет... Всей правды не сказал и сам Святейший Патриарх; он не благословил еще добровольцев на борьбу с большевиками и делает некоторые уступки советской власти для сохранения Церкви Русской"... - Председатель Собора заявил: "Я лишаю вас слова". Так закончилось мое участие в деятельности Южно-Русского Церковного Собора" (Там же. С. 89-90).

Переселился в Сербию. Законоучитель русской гимназии в Кикинде. Монархист-кирилловец. В 1945 г. вместе с о. Василием Боцановским вел службу в лагерном храме под Мюнхеном, с которой англичане депортировали прихожан-казаков для выдачи Советам. С 1951г. и до смерти- настоятель церкви Св. Тихона Задонского в Сан-Франциско.

[36]. *Преподобный Нектарий Оптинский* (в миру Николай Васильевич Тихонов, ок. 1852 +1.5.1928) - иеросхимонах, последний великий Оптинский старец,

ученик преп. Амвросия Оптинского. Старчествовать начал с 1913г. Скончался в деревне Холмищи Брянской губ.; с 1989 г. его св. мощи покоятся во Введенском соборе Оптиной пустыни.

[37]. См прим. 20, 21.

[38]. Вот как описывает сон, приснившийся ему 4(17) сентября 1926 г. сам Владыка: "Будто я в в каком-то огромном городе. Кажется, в Москве... Но на самой окраине. Уже нет улиц, а просто разбросанные кое-где домики... Место неровное... Глиняные ямы. А далее бурьян и безконечное поле. Я оказываюсь в одном таком домике, скорее, в крестьянской избе. Одет в рясу, без панагии архиерейской, хотя и знают, что я архиерей. В избе человек 10-15. Все исключительно из простонародья. Ни богатых, ни знатных, ни ученых. Молчат. Двигаются лениво, точно осенние мухи на окне, перед замерзанием на зиму... Я не говорю - и не могу говорить: им не под силу слушать ни обличения, ни назидания, ни вообще ничего божественного. Душа их так изранена - и грехами, и бедствиями, и неспособностью подняться из падения, - что они точно люди с обожженной кожей, к которой нельзя прикоснуться даже и слегка... И я, чувствуя это, молчу... [...] "Только ты молчи, - безмолвно говорят мне их сердца, - довольно, что мы вместе... Не трогай нас: сил нет". Мне и грустно за себя, что ничего не могу сделать, а еще больше их жалко: несчастные они. Вдруг кто-то говорит: "Патриарх идет". А точно они и ранее ждали его. Мы все выходим наружу. Я среди группы. Глядим - почти над землей двигается Святейший Тихон. В мантии архиерейской, в черном монашеском клобуке (не в белом патриаршем куколе). [...] Смотрим мы на приближающегося Святителя и видим, как на его лице светится необычайно нежная улыбка любви, сочувствия, жалости, утешения... Ну, такая сладкая улыбка, что я почти в горле ощутил вкус сладкого... И всю эту сладость любви и ласки он шлет этому народу... Меня же точно не замечает... И все приближается. И вдруг я ощущаю, как в сердцах окружающих меня крестьян начинает что-то изменяться: они точно начинают "отходить", оттаивать. Как мухи при первых лучах весеннего солнца... [...] И когда он подошел уже совсем близко, я увидел, как лица моих соседей тоже улыбались, но еще очень, очень немного. "Вот только теперь, - пронзила меня мысль, - им что-нибудь можно сказать, теперь они стали способны слушать: душа оттаяла. А там, в избе, и думать нельзя было о поучениях". И понял я, что сначала надо пригреть грешную душу - и уже после выправлять. И Святейший мог это: он очень любил этих грешных, но несчастных детей своих. И любовью отогрел их. И понял я, что раньше и невозможно было говорить с ними (мне), а потому и не нужно было. Потому мы и молчали в избе. И подивился я великой силе, какую имеет любовь! [...] Наконец, не выдержав, я решаюсь обратиться к нему с безмолвным вопросом (без слов, а сердцем, но его сердце чувствует, о чем я думаю): "Владыко! Ну что же нам делать там (за границею)? - то есть по вопросу о разделении Церкви между митрополитом Антонием [(Храповицким)] и митрополитом Евлогием [(Георгиевским)]. - Куда же мне идти?" Он сразу понял вопрос, но, по-видимому, ничуть не заинтересован был им, даже, скорее, прискорбно ему стало. Улыбка, сиявшая доселе, исчезла. Я ждал ответа... Какого? Можно было сказать ему: иди к м. Антонию, или, наоборот, к м.

Евлогию, или что-либо в этом стиле, вообще по поводу разделения... Но ответ был совершенно неожиданным, какого никак не придумать: "ПОСЛУЖИ НАРОДУ..." Вот какие поразительные и неожиданные слова сказал мне Святейший: ни о митрополитах, ни о разделении, ни об юрисдикциях, а о службе народу... И именно народу, то есть простонародью... Недаром в избе были одни лишь мужики (и мой отец, бывший крепостной крестьянин)... И не сказал "послужите", а в единственном числе: "послужи". Это относилось ко мне лично. И тогда вдруг мне стало ясно такое толкование слов Патриарха: "И чего, вы, архиереи, ссоритесь между собою? Разве дело в вас? Ведь вопрос - в спасении народа, и именно простого народа. Спасется он, все будет хорошо, - не спасется, все погибло. Что могут генералы без солдат?" [...] - "Владыко! - "говорю" я сердцем. - А мне предлагают архиерейское место!" И что-то представилось мне в виде огромного храма: я - в мантии... Поют... Но храм пустой... Иду к алтарю... Но Святейший вдруг сделался грустным: и в его взоре я прочитал: "Неразумные вы? неразумные! Ну что пользы в архиерействе, если некому служить? Ведь не народ для архиереев, а архиереи - служители Божий для народа..." И мне стало очень стыдно... И я уже готов был бы взять свои слова обратно, но - увы! - поздно: они были сказаны. Тогда Патриарх добавил: "Ну уж иди к Антонию..." "Ну уж" - то есть из двух худших путей (по сравнению со служением народу) выбирай сравнительно лучший... [...] Я послал его [описание сна] к старцам на Афон; оттуда мне ответили: "Сон знаменательный!" - но подробностей не объяснили..." (*Митрополит Вениамин (Федченков)*). Божьи люди. Мои духовные встречи. М. 1997. С. 333-337).

[39]. *Священномученик митрополит Петр* (в миру Петр Феодорович Полянский, 1860 +10.10.1937), *Крутицкий и Коломенский, Патриарший Местоблюститель* (с 1925). Окончил Московскую Духовную академию (1892). Работал в составе Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг., был привлечен Свт. Тихоном в качестве одного из своих ближайших сотрудников. В 1920 он постриг Петра Федоровича в монашество (с оставлением имени), 25.4.1920 рукоположил во епископа Подольского, с назначением на должность Патриаршего викария; впоследствии возведен в сан митрополита Крутицкого (1924). 17.4.1925, согласно завещанию Патр. Тихона, был избран Патриаршим Местоблюстителем. На одной из проповедей в Донском монастыре, обращаясь к усопшему Святителю, митр. Петр сказал: "Обласканный твоей любовью, я постараюсь оправдать твое доверие" (по воспоминаниям М. В. Смирновой-Орловой). 10.12.1925 - арестован. 5.11.1926 приговорен к трем годам ссылки. В декабре этапом отправлен через пересыльные тюрьмы в Тобольск. В конце 1926 г. на предложение Тучкова отказаться от Местоблюстительства, твердо заявил, что "никогда и ни при каких обстоятельствах не оставит своего служения и будет до самой смерти верен Православной Церкви". 1.1.1927 подтвердил полномочия митр. Сергия. С февраля 1927 г. поселен на территории упраздненного Абалакского монастыря. В начале апреля арестован и доставлен в Тобольскую тюрьму. Решением ВЦИК СССР 9.7.1927 сослан за полярный круг в поселок Хэ. 11.5.1928 постановлением особого совещания ОГПУ срок ссылки продлен еще на два года. Арестован ОГПУ 17.8.1930. После трехмесячного пребывания в тобольской тюрьме переведен в

екатеринбургскую. 23.7.1931 особое совещание ОГПУ постановило заключить Владыку в концлагерь на пять лет. Содержался во внутреннем изоляторе Верхнеуральской тюрьмы под стражей. Постановлением особого совещания при НКВД СССР 9.7.1936г. срок заключения продлен еще на три года. 2 октября 1937г. тройка НКВД по Челябинской области приговорила митрополита Петра к расстрелу.

[40]. Имеется в виду официальное письмо митрополита Евлогия митрополиту Сергию от 12.9.1927, в котором, в частности, говорилось: "Мы, русские эмигранты, не являемся гражданами Советского Союза [...] и наше членство в Русской Православной Церкви не может быть основанием для требования от нас, эмигрантов, "лояльности", т. е. легального повиновения советской власти. Полностью сознавая мой долг перед Матерью-Церковью и во имя моей безграничной любви к ней, я обязуюсь твердо стоять на [...] позиции невмешательства Церкви в политическую жизнь и не допускать использования амвона в политических целях" (Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. "Республика". 1995. С. 137).

[41]. *Святитель Филарет (Дроздов, 26.12. 1783 +19.11.1867), митрополит Московский и Коломенский* - родился в г. Коломне. Образование получил в Коломенской и Троицкой Духовных семинариях. Преподавал в Троицкой семинарии. Пострижен в монахи (1808). Инспектор и профессор Петербургской Духовной академии. Возведен в сан архимандрита (1811). Ректор Петербургской Духовной академии (1812). Хиротонисан во епископа Ревельского (1817). Архиепископ Тверской (1819). С 1821 г. и до самой смерти - в Москве. Трудился над переводом Библии на русский язык. Составил, по поручению Св. Синода, Православный катехизис (1823). Составил Манифест об освобождении крестьян 19 февраля 1861 г. Автор множества ценнейших трудов. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в 1994 г.

[42]. *Иеромонах Исидор (Иоанн Андреевич Козин или Грузинский, 1814 или 1833 +4.2.1908)* - старец Гефсиманского скита. "Еще нося в лоне своем Иоанна, - писал духовный сын старца о. Павел Флоренский, - мать его ходила в Саров к Старцу Серафиму; Святой вызвал ее из громадной толпы народа, поклонился ей при всех до самой земли и предсказал, что от нее произойдет великий подвижник и что имя ему будет Исидор". Поступил в Гефсиманский скит (1852). Был келейником у архимандрита Антония (Медведева, 1792 +1877), наместника Троице-Сергиевой Лавры. Пострижен в мантию одновременно с о. Германом Зосимовским; от Св. Евангелия их принял скитский старец иеросхимонах Александр (Стрыгин, 1810 +9.2.1878). Перешел в пустынь Св. Духа Параклит. Здесь был рукоположен во иеродиакона (1863) и иеромонаха (1865), схиму впоследствии не принял по смирению. Год прожил на Старом Афоне, но за неимением средств вернулся в Россию и снова поселился в Параклите. Духовный отец старца-утешителя Варнавы Гефсиманского, называвшего о. Исидора "вторым Серафимом". Братский духовник Гефсиманского скита (с 1906).

[43]. Здесь в Хопове на Фрушкой горе в 1920 г. произошло возрождение сербского женского монашества. Русские монахини бывшего Лесненского монастыря Холмской епархии, эвакуированные во время Германской войны в Румынию (70 человек), по благословению еп. Нишского Досифея, переселились в Сербию. В сер. 1930-х гг. в обители воспитывалось 35 детей в возрасте от трех до восьми лет, получавших здесь подготовку для последующего обучения. Постепенно монастырь стал в Сербии центром духовно-религиозной жизни, привлекая множество паломников. В годы второй мировой войны монастырь был сожжен хорватами-"устамими", насельницы вынуждены были переселиться в Белград; в 1950 г. они оставили коммунистическую Югославию и обосновались под Парижем.

[44]. *Епископ Михаил (+1933), епископ Шабацкий* - до революции был настоятелем Сербского подворья в Москве. Участвовал в судьбе о. Владимира Востокова, назначив его священником сербского прихода. Скончался во Врнячкй Бане.

[45]. *Игуменья Екатерина* (в миру графиня Евгения Борисовна Ефимовская, 28.8.1850 +1925), родом из Москвы. Как и прмц. Вел. Кн. Елисавета Феодоровна, она была автором проекта восстановления в предреволюционные годы в Русской Православной Церкви института диаконисе. Настоятельница монастыря в Хопове (см. прим. 43). По словам митр. Евлогия, м. Екатерина была "просвещенной и глубоко религиозной игуменией". Многие ее ученицы стали впоследствии игумениями женских обителей в Сербии.

[46]. *Монахиня Нина* (княжна Львова) - дочь председателя Виленского окружного суда. Наряду с м. Екатериной (см. прим. 45) была основательницей получившего известность в предреволюционной России Лесненского монастыря, насчитывавшего до 700 инокинь.

[47]. *Епископ Исидор* (Колоколов, +1918), *Михайловский, викарий Рязанской епархии* (10.11.1906) - хиротонисан во епископа Новоград-Северского, викария Черниговской епархии (12.5.1902); епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии (4.11.1903). С 26.5.1911 на покое. Убит большевиками в Самаре, посадившими его на кол.

[48]. Нужно, видимо, все-таки различать власть Божией милостию от власти, попущенной Богом. Ср. ответ архиепископа Илариона (Троицкого) на вопрос наркома просвещения Луначарского, заданный во время диспута 1923 г. ("Как же так, вы, служители культа, совершенно погрязли в противоречиях. С одной стороны, для вас Священное Писание - это нечто непререкаемое, а, с другой, там ведь неоднократно говорится, что несть власти не от Бога. А советской власти вы не любите. А советскую власть вы ругаете, недовольны ею. Как вы, гражданин Троицкий, ответите на этот вопрос?"): "А мы разве говорим, что советская власть не от Бога? Да, конечно, от Бога! В наказание нам за грехи..." (Окунев Н. П. Дневник москвича. Париж. 1995).

[49]. См. прим. 44.

[50]. Ср.: *раб Божий* Навуходоносор, царь Вавилонский ("раб Мой" - Мер. 25, 9).

[51]. Мысли вполне в духе К. Н. Леонтьева (см.: *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). Под. ред. Г. Б. Кремнева. М. 1996. С. 612, 743 и др. Ср.: *Достоевский Ф. М.* Поли. собр. соч. Т. 26. С. 77-82). Такие же мысли высказывал и Г. Е. Распутин. В октябре 1913 г. он говорил своему собеседнику: "Что нам, - спрашивал он, - показали наши "братушки", о которых писатели так кричали, коих защищали, значит... Мы увидели дела братушек и теперь поняли... Все... Да... А что касаясь разных там союзов, - то, ведь, союзы хороши, пока войны нет, а коль она разгорелась бы, где бы они были? Еще неведомо..." (Петербургская газета. 13.10.1913). В другой беседе на утверждение собеседника, что ведь надо же "защищать от притеснений угнетаемые Турцией народы", он ответил: "А, может быть, славяне неправы, а, может быть, им дано испытание?" И тут же вспомнил свои впечатления от паломничества: "Я ездил в Иерусалим, бывал в Старом Афоне - великий грех там от греков, и живут они неправильно, не по-монашески. Но болгары еще хуже. Как они издевались над русскими, когда нас везли; они - ожесточенная нация, оцетинилось у них сердце; турки - куда религиознее, вежливее и спокойнее. Вот, видишь как, а когда смотришь в газету - выходит по-иному. А я тебе говорю сущую правду" (*Семенников В.П.* Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л. 1929, С. 29-30).

[52]. *Патриарх Сербский Димитрий* (Павлович, 1846 +1930) - первый после восстановления Патриаршества Патриарх. Родился в семье ремесленника в г. Пожаревац. Окончив Белградскую Духовную семинарию (1868), принял сан священника (1870). Овдовев, поступил (1873) на филологическое отделение Высшей школы в Белграде. Преподавал в Белградской Духовной семинарии. Хиротонисан во епископа Нишского (1882), переведен на Шабацкую кафедру. Митрополит Сербский (1905). На Архиерейском Соборе в Сремских Карловцах избран Патриархом (12.9.1920).

[53]. *Архиепископ Пражский и всея Чехословакии Савватий* (в миру Антонин Врабец, 1880 +ноябрь 1959) - родился в Праге, где окончил реальную гимназию. Окончив Уфимскую Духовную семинарию, принял монашество (1902) и был рукоположен во иеродиакона. Позже рукоположен во иеромонаха (1907). После окончания Киевской Духовной академии (1907) направлен миссионером к волынским чехам. Возведен в сан архимандрита (1914). Святейшим Патриархом Тихоном награжден грамотой (1919). Назначен заместителем Волынского епископа и ректором Холмской Духовной семинарии (1920). По просьбе "Чешской православной общины" в Праге, состоявшей в юрисдикции Сербской Церкви, возвратился на родину (1921). Согласно разработанному статуту общины, главой ее должен был стать епископ. С просьбой о хиротонии община обратилась к Сербской Церкви, но не дождавшись ответа, снеслась с Константинопольским Патриархом Мелетием (Метаксакисом), который

хиротонисал архим. Савватия в Стамбуле в Архиепископа Пражского и всея Чехословакии (4.3.1923) и поставил его Экзархом Средней Европы. После окончания второй мировой войны остался без единого прихода. Митрополит Вениамин познакомился с вл. Савватием еще в России. По его словам, "это был человек скромный и чистый".

[54]. *Схиархимандрит Кирик* - духовник Панте-леимонова монастыря на Св. Горе Афон. Известен своей деятельной борьбой с имяславием. Митрополит Антоний (Храповицкий), зная его как опытного старца, сам не раз обращаясь к нему за советом, рекомендовал его Патриарху Сербскому Варнаве, который в 1930-х годах вызвал его в Югославию в качестве духовника сербского духовенства.

[55]. *Архимандрит Мисаил* (Михаил Григорьевич Сопегин) - уроженец Спасского уезда Рязанской губернии; пришел на Афон в 1876 г. в 24 года. Принял монашеский постриг (1879), рукоположен во иеромонахи (1885). После смерти прежнего настоятеля Пантелеимоновского монастыря о. Нифонта (1905) избран братией настоятелем.

[56]. По всей вероятности, эти колебания вл. Вениамина сыграли не последнюю роль в оценке, которую дал ему впоследствии митрополит Евлогий: "Его повышенная эмоциональность и воодушевление идеалом монашества оказывали на студентов [Богословского института в Париже] благотворное влияние; в их среде возникали духовный подъем, высокая религиозная настроенность. К сожалению, эта же повышенная эмоциональность обусловила и некоторые отрицательные черты епископа Вениамина: непостоянство, шаткость, противоречие в решениях и поступках. На него нельзя было положиться. Как-то раз я это высказал ему. "Вы мне не доверяете?" - спросил он. "А доверяете ли вы себе сами? Поручитесь ли вы за то, что будете говорить и делать через один-два года?" - в свою очередь, спросил я. Епископ Вениамин промолчал. Через год он покинул Институт, увлеченный созданием какого-то прихода в Сербии (в Белой Церкви), потом охладел к нему, вновь вернулся к нам, а спустя два года опять нас покинул и перешел в юрисдикцию митрополита Литовского Елевферия, т. е. Москвы" (Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М. 1994. С. 410-411).

[57]. См. прим. 11.

[58]. В ответ на смущение некоторых родителей атеистическим характером советской школы преп. Нектарий Оптинский обычно говорил: "Ведь ваши дети будут советскими гражданами; они должны учиться в общегосударственных школах. А если вы хотите сохранить в них Христианство, пусть они видят истинно-христианскую жизнь в семье" (Соль земли. Сост. С. Фомин. М. "Паломник". 1998. С. 180).

[59]. *Борис Константинович Зайцев* (29.1.1881 +28.1.1972) - русский писатель. Родился в Орле. Учился в Горном институте в Петербурге и в Московском университете, не окончив ни одного из них. Писал, будучи еще студентом. Покинув с семьей Россию (1922), жил сначала в Италии, а потом переехал в Париж, где и скончался.

[60]. *Патриарх Московский и всея Руси Алексий* (Симанский, 27.11.1877 +17.4.1970) - избран Патриархом 4.2.1945.

[61]. *Георгий Григорьевич Карпов* (1897-1967) - закончил Духовную семинарию. В годы гражданской войны воевал в красной армии. Учился в Петроградском университете (1920-е гг.). На партийной и советской работе. Начальник Псковского окружного отдела НКВД (1937-1938). Начальник отдела центрального аппарата НКВД, ведавшего церковными делами. В связи с деятельностью Карпова во Пскове коллегия войск НКВД Ленинградского округа возбудила его уголовное преследование, вскоре, впрочем, прекращенное. Полковник госбезопасности (1943). Председатель совета по делам Русской Православной Церкви при совете министров СССР (сент. 1943-февр. 1960). Генерал майор. Уволен на пенсию (1960).

[62]. *Священник Николай Н. Смирнов* - секретарь Епархиального совета.

[63]. *Святитель Лука* (Войно-Ясенецкий, 27.4.1877 +29.5/11/6/1961), *Симферопольский и Крымский* - родился в Керчи в семье провизора. Окончил гимназию, художественное училище, медицинский факультет Киевского университета. Работал хирургом (1904-1921). Доктор медицины (1916). Овдовел (1919). Будучи профессором Ташкентского университета рукоположен в сан диакона (2.2.1921), через несколько дней во иерея (12.2.1921). Служил в Ташкентском кафедральном соборе. Пострижен в монахи и хиротонисан во епископа Ташкентского и Туркестанского (12.5.1923). В ссылке (1923). Епископ Ташкентский и Туркестанский (25.1.1925). Вновь в ссылке (1927). Архиепископ Красноярский (сент. 1942); архиепископ Тамбовский и Мичуринский (янв. 1944); Архиепископ Симферопольский и Крымский (май 1946). Лауреат Сталинской премии. Определением Синода Украинской Православной Церкви от 22.11.1995 причислен к лику местночтимых святых.

[64]. Возможно к нему относится дневниковая запись Владыки (13.3.1948): "...Ныне приходил молодой советский] гражданин - просил разрешения повенчаться (в субботу), ныне). Я разрешил: такой скромный! Нужно дорожить этими людьми. Любовью больше сделаешь, чем законничеством... А свящ[енник] Н. Н. отказал отпевать одного человека - за то, что тот не был на исповеди... Ошибка! Я ему заметил: любовью, любовью!" (*Митрополит Вениамин (Федченков)*). "За Православие помилует меня Господь..." Дневниковые записи. С. 49).

[65]. Ср. с записью в дневнике митр. Вениамина (10.9.1948): "Масса фактов, какие мне приходилось наблюдать за последние месяца два, показали мне, что в Риге (а отчасти и в других местах Епархии) существуют группы религиозных людей, которые ожидают близкого "конца мiра". Это - сектантское, противоцерковное настроение: эти люди воображают себя избранниками Божиими, которым "бог" сообщает свои откровения непосредственно ("дух говорит", "бог сказал мне", "Божия Матерь открыла" и т. п.). А Церковь - особенно в лице духовенства - по их воззрению, уже погибла. Поэтому они не приобщаются Святых Тайн, не подходят ко кресту для прикладывания, не принимают благословения от духовенства, критикуют, "обличают" церковные порядки; собираются в частных домах на свои моления, поучают народ; запугивают покорных слушателей бедствиями и своими "откровениями", беседами, "пророчествами", "прозрениями" и т. п. Исходным психологическим пунктом у них служит советская власть с ее отношением к вере: "гонения", "антихристово пришествие", "предательство Церкви". А если так, то нужно спасаться в одиночку или единомышленными группами, - говорят они. [...] Я видел в Риге женщин, которые с упрямством отстаивают это" (*Митрополит Вениамин (Федченков)*). "За Православие помилует меня Господь..." Дневниковые записи. С. 56-58).

[66]. Вот эти слова преп. Нектария Оптинского, записанные в воспоминаниях Владыки: "- Батюшка, - обратился он ко мне тихо, но чрезвычайно авторитетно, - примите совет на всю вашу жизнь; если начальники или старшие вам предложат что-нибудь, то, как бы трудно или даже как бы высоко ни казалось это вам, - не отказывайтесь. Бог за послушание поможет! - Затем он обратился к окну и, указывая на природу, сказал: - Смотрите, какая красота: солнце, небо, звезды, деревья, цветы... А ведь прежде ничего не было! Ничего! - медленно повторил батюшка, протягивая рукою слева направо. - И Бог из ничего сотворил такую красоту. Так и человек: когда он искренно придет в сознание, что он - ничто, тогда Бог начнет творить из него великое. - Я стал плакать. Потом о. Нектарий заповедовал мне так молиться: "Господи, даруй мне благодать Твою!" И вот идет на вас туча, а вы молитесь: "Дай мне благодать!" И Господь пронесет тучу мимо". - И он протянул рукой слева направо. О. Нектарий, продолжая свою речь, рассказал мне почему-то историю из жизни Патриарха Никона, когда он, осужденный, жил в ссылке и оплакивал себя. Теперь уж я не помню этих подробностей о Патриархе Никоне, но "совет на всю жизнь" стараюсь исполнять. И теперь слушаюсь велений Высшей Церковной власти. И, слава Богу, никогда в этом не раскаивался. А когда делал что-либо по своему желанию, всегда потом приходилось страдать" (*Митрополит Вениамин (Федченков)*). Божьи люди. Мои духовные встречи. С. 129).

[67]. Более подробно эта тема развита в трех письмах Владыки о. Александру - одному из русских священников в Париже, относящихся к началу 1925 г. (См.: *Митрополит Вениамин (Федченков)*). О конце мiра // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. М. 1997. №1(12). С. 196-212.

[68]. *Митрополит Григорий* (Чуков, +5.11.1955), *Ленинградский и Новгородский* (7.9.1945) - хиротонисан во епископа Саратовского (14.10.1942); архиепископ (15.10.1942); архиепископ Псковский и Порховский (май 1944).

[69]. Будучи студентом Духовной академии Иван Федченков со своими товарищами Раевым и Соболевым 25.11.1904 отправились в Кронштадт; на следующий день они молились в Андреевском соборе за утреней и Божественной литургией, которую совершал св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. См.: Божьи люди. Мои духовные встречи. С. 197-204.

[70]. Монашеский постриг был совершен 26 ноября 1907 г.

[71]. Сохранились дневниковые записи Владыки, повествующие о начале скита (17.5.1949): "...Я переехал на житие в "Скит-дачу", в местечко Дубельн (теперь Дубулты), на Взморье - недалеко от Риги. [...] Осмотрели мы и храм, и жилые помещения: 2 больших дома и один "маленький". [...] В середине храм во имя святого Владимира: хороший, просторный, светлый, чистый. Налево от него (примыкал непосредственно к стене его) - "архиерейская" половина; направо "братский" дом; а особо от этого цельного помещения - маленький домик [...] Кругом прекрасные сосны и березы, немного кустов... Всего около десятины. Все уже вычищено. Красиво. Впереди алтаря тянется городской сосновый лес (запах хороший); сзади - городок Дубулты..." (*Митрополит Вениамин (Федченков)*). "За Православие помилует меня Господь..." Дневниковые записи. С. 59). (6.10.1951): "Дело со "скитом" совершенно не удалось. В чем причина? 1) Нет монахов и ищущих монашества. 2) Нечем бы и содержать их, если бы собралось достаточно... Впрочем, пропитались бы [...] 3) Окружающие условия - совершенно не благоприятны для монашества. 4) И я сам не достоин этого дела: монастыри строились на святых людях, да еще после больших подвигов их. Пришлось мне слышать от пустынных подвижников, что пришло время для закрытия монастырей, а не для постройки новых... Увы! Это - истинно! И ничего мы поделать с этим не можем! Такова воля Божия! Или - Божие попущение! Нужно смиряться нам всем. Видно, мы плохие были монахи" (Там же. С. 87).

[72]. В дневнике Владыки записано (3.3.1948): "Был псаломщик - латыш. Просится во священники. 70 лет. Достойный. Но некоторые вопросы у него неверно разрешаются... Петр Ив[анович] [...] (корел). Первая ласточка о священниках-латышах" (*Митрополит Вениамин (Федченков)*). "За Православие помилует меня Господь..." Дневниковые записи. С. 46).

[73]. Т. е. Иосифа Сталина, Георгия Карпова (см. прим. 61) и Никиты Смирнова (местного уполномоченного). Ср. свидетельство монахини Сергии (Клименко, 1905 +1994): "От отца Иеремии [(Лебедева, 1885 +1.2.1953), казначея Патриарха Алексия I,] я узнала следующее: когда Святейший приехал за границу, его упрекнули в том, что он служил панихиду [возможно, молебен, если учитывать дату кончины архимандрита,] по Сталину-безбожнику. Патриарх Алексей во всеуслышание ответил: "Я служил не за безбожника". За него молился

схиархиепископ Антоний (Абашидзе). Он был инспектором той семинарии, где учился Сталин. И когда Сталина за "проказы" сажали в карцер на хлеб и воду, он его жалел и посылал ему покушать. А когда времена переменились, когда уже Сталин стал самодержцем, а он архиепископом, его хотели арестовать. И вот Сталину дали знать: помнишь князя Абашидзе, который тебе кушать посылал, когда ты в карцере сидел? И Сталин сказал: "Не трогать его". И владыка Антоний за него молился и что-то ему вымолил. Уж какая судьба Сталина, мы не знаем, это Бог Один знает, но все-таки с него началось освобождение" (Россия перед Вторым пришествием. (Материалы к очерку Русской эсхатологии). Изд. 3-е. Т. 2. СПб. 1998. С. 282-283).

[74]. См. прим. 66.